

DOI: 10.17976/jpps/2019.02.03

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЛНЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕОПОЛИТИКИ, НАСИЛИЯ И ЛЕГИТИМНОСТИ

Н.С. Розов, Ю.А. Пустовойт, С.И. Филиппов, В.В. Цыганков

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН; зав. кафедрой социальной философии и политологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; профессор, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, email: nrozov@gmail.com; **ПУСТОВОЙТ Юрий Александрович**, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, email: pustovoi1963@gmail.com; **ФИЛИППОВ Сергей Иванович**, кандидат философских наук, доцент, зам. директора гуманитарного института, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, email: filiprov.nsu@gmail.com; **ЦЫГАНКОВ Владислав Васильевич**, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук Специализированного учебно-научного центра, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, email: oktava-77@yandex.ru

Розов Н.С., Пустовойт Ю.А., Филиппов С.И., Цыганков В.В. Революционные волны второй половины XX в.: взаимосвязь геополитики, насилия и легитимности. – Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 24–40. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.03>

Статья подготовлена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований, проект № 16-03-00318-ОГН “Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ”.

Статья поступила в редакцию: 09.07.2018. Принята к публикации: 17.10.2018

Аннотация. Революционные волны, формирующиеся следующими друг за другом взаимосвязанными революциями, представляют собой макрополитические целостности, динамика которых, с одной стороны, интегрирована в региональные и мировые процессы, а с другой стороны, имеет собственные закономерности. В статье представлены понятийный каркас подхода, основные гипотезы о динамике революционных волн, а также причины и основные характеристики нескольких волн второй половины XX в.: в Африке, в Карибском заливе и в Юго-Восточной Азии в 1950–1960-е годы и в Центральной Европе в конце 1980-х годов. Проанализировано влияние на эти волны геополитических напряжений и идеологических веяний, а также воздействие самих этих волн на геополитику, геоэкономику, геокультуру на соответствующем континенте или даже в мире в целом. Отдельные революции в каждой волне и сами волны характеризуются различными уровнями насилия; революции могут быть отягощены гражданскими и международными войнами. Процессы признания послереволюционных режимов – как противостоящими коалициями держав, так и глобальными международными организациями – проходят по-разному и порой весьма драматически, что всегда связано с позиционированием этих режимов в идеологической, политической и военно-стратегической сферах, а также с масштабом жертв, признанием (не)оправданности допущенного насилия. Геополитика, насилие и легитимность революционных волн составляют единый комплекс со сложной динамикой, общие черты и особенности которой проанализированы на примере нескольких волн второй половины XX века.

Ключевые слова: революционные волны, геополитика, идеология, холодная война, коммунистические революции, бархатные революции, уровень насилия в революциях, легитимность политических режимов, постреволюционные режимы.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД

Революционные волны как следующие друг за другом революционные события в разных обществах надежно фиксируются в истории, по крайней мере, с начала XVI в. (Реформация уже имела волновой характер вспыхивающих друг за другом восстаний, гражданских и международных войн). Всю эпоху модернизации вплоть до конца XX и начала XXI вв. наполняют революционные волны разной интенсивности и масштаба (“бархатные” и “цветные” революции, Арабская весна, движение “Оккупай”...). Глобализационные процессы способствуют трансграничному распространению революционной турбулентности, поэтому в будущем следует ожидать новых волн, что означает высокую актуальность проблематики.

Среди множества подходов к изучению волновых процессов как макрополитических целостностей особо значимыми представляются геополитический и миросистемный, а также исследования причин, влияющих на уровень революционного насилия, и условий и процедур признания легитимности революций и постреволюционных режимов.

В данном исследовании были поставлены следующие задачи.

1. Определить базовые понятия, используемые в исследовании (“революционная волна”, “революция”), представить краткий обзор взглядов и идей в данной предметной области.

2. Изложить исходные теоретические представления о связи революционных волн с миросистемными, социально-экономическими и геополитическими процессами.

3. Определить роль геополитического, миросистемного и идеологического факторов в сценариях азиатской коммунистической волны (1940-1960-х годов), которая демонстрирует ярко выраженное своеобразие.

4. На основе анализа четырех революционных волн (азиатской, латиноамериканской, африкано-португальской и центрально-европейской) провести пилотажную проверку гипотез о геополитических, демографических и стратификационных факторах, влияющих на уровень насилия в ходе революционных событий.

5. Сравнить разнообразные реакции внешних держав на революции 1950-1980-х годов в Восточной Европе, на попытки их насильственного подавления, а также оценки постреволюционных режимов; выделить политико-идеологические причины и ценностные основания таких различий.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВОЛНЫ: БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ И КРАТКИЙ ОБЗОР РАЗВИТИЯ ИДЕЙ

Революционные волны – это последовательности близких во времени революций, которые происходят в различных (нередко соседних) обществах, служат причинами друг для друга или имеют общие причины.

Под *революцией* здесь понимается такой каскад событий в ходе глубокого социально-политического кризиса, когда из-за массовых протестов и восстаний власть испытывает реальную угрозу свержения. При этом политические отношения между главными акторами взаимодействия существенно меняются до тех пор, пока не будут институционально закреплены в новом (постреволюционном) режиме. Согласно данному широкому определению революционные силы не всегда побеждают (захватывают власть, добиваются уступок), но могут и проиграть, после чего, как правило, следует период

реакции и существенно меняется характер режима. Важно, что так понятия революции (независимо от их возможных итогов) могут стать звеньями революционной волны (ср.: [Коллинз 2015: 78-130; Голдстоун 2006; 2015]).

При этом революции следует отличать от *социально-политических кризисов* (когда массовые низовые протесты есть, но нет реальной угрозы свержения власти) и от *государственных переворотов* (когда власть от одной группы переходит к другой группе при отсутствии массовых протестов и восстаний).

К. Маркс не описывал революционные волны, но призывал к интернационализации революций, например, в работе *“Классовая борьба во Франции”* (1850 г.). В последующей марксистской традиции революционные волны неоднократно отмечались, пусть и в иной терминологии (в частности, в работах Р. Люксембург) и приветствовались как свидетельство грядущей всемирной победы пролетариата и коммунизма.

В 1950-1970 годах на Западе была популярна “теория домино”, где считалось, что победа коммунистического движения в одной стране (например, во Вьетнаме или на Кубе) прямо угрожала повторением подобного в соседних странах.

Относительно свободное от идеологии предметное изучение революционных волн началось только в последние десятилетия XX в. Так, в специальной монографии Марк Кац сравнивал “марксистско-ленинские”, арабские, националистические и исламские революции именно как волны [Katz 1999].

Исследователи уделяют наибольшее внимание трем большим группам структурных факторов, движущих от стабильности к революционной ситуации.

– Демографические изменения, особенно перенаселенность, массовый приток селян в города, которые не могут их “переварить”, “молодежный бугор” и т.д. [Голдстоун 2006; О причинах Русской революции 2010].

– Геоэкономические и зависящие от них социально-экономические факторы. Так, спады в циклах мировой экономики ведут к падению благосостояния элит, обнищанию населения, бюджетному дефициту в слабейших обществах, что провоцирует политическую нестабильность, чревато революциями и распадами государств [Boswell, Dixon 1993];

– Геополитика и циклы гегемонии. Если установление сильной гегемонии обеспечивает относительную стабильность международной системы, то при упадке гегемонии становятся вероятными вспышки протестной мобилизации, мятежи против режимов, зависящих от терпящего кризис международного порядка [Arrighi, Silver 1999].

Колин Бек исследует идеологические корни революционных волн [Beck 2011]. Интерес исследователей к этой теме особенно повысился после волн “цветных революций” 1990-2000-х годов и Арабской весны 2011-2012 гг. [Цирель 2011; Beck 2015].

Отечественные исследователи выдвигают и проверяют общие гипотезы возникновения революционных волн [Цирель 2011; Коротаев, Исаев, Васильев 2015]. На основе обобщения волн революций XVI-XXI вв., характера связей между революциями внутри волны выделены пять типов волн: 1) *домино-волны* (с прямым эмоциональным воздействием); 2) *наведенные (индуцированные) волны* (с переносом способов политического действия посредством общения, миссии эмиссаров, инструкторов и/или учеников — “паломников”); 3) *идейные волны* (с преемственностью целей, лозунгов, организационных образцов); 4) *полемогенные волны* (происходящие из-за включенности госу-

дарств в общую войну) и 5) *структурные волны* (с общностью базовых, прежде всего социально-экономических и демографических, причин) [Розов 2016а; Цыганков 2016; Пустовойт 2017; Филиппов 2017].

МИРОСИСТЕМНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Назревание кризисов и революций происходит под действием эндогенных (внутри каждого общества) и экзогенных (охватывающих миросистемные изменения) факторов. Каждое общество занимает то или иное положение в мир-экономической иерархии (ядро, полупериферия, периферия), прежде всего через структуру экспорта, импорта, инвестиций. Как правило, чем ниже миросистемный статус страны, тем большая выгода от международной торговли достается местной колониальной или компрадорской элите, тем больше разрыв между социальными слоями, классами, сословиями, тем политический режим более склонен к авторитаризму и репрессивным практикам [Валлерстайн 2001].

Высокая зависимость от внешних экономических отношений, конъюнктуры мировых рынков и стратегий геэкономических гегемоний делает уязвимой внутреннюю экономику зависимой страны, особенно в плане цены труда, наличия рабочих мест. Чем больше рассогласование между числом, структурой рабочих мест и потенциальным персоналом — социальными группами для заполнения этих мест, чем больше политический и экономический разрыв между классами, группами, участвующими в капиталистических рынках, тем больше отчуждение и социальное напряжение [Boswell, Dixon 1990].

Если эти явления не смягчаются религией, не преодолеваются эффективной пропагандой, если лидеры и правительство, допускающие явную слабость и несправедливость, теряют легитимность, а силовой аппарат перестает быть лояльным власти, то резко возрастает социально-политическая нестабильность, чреватая кризисом, эскалацией конфликта и революцией [Розов 2017].

27

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЛН

Теда Скочпол в своем классическом труде предложила в качестве причин социальной революции не только эндогенные факторы, но также *геополитическое напряжение*, связанное с военными поражениями или чрезмерными издержками при ведении войн [Скочпол 2017].

При расширении взгляда от отдельных революций до революционных волн следует учитывать их включенность в те или иные *геополитические ойкумены*, т.е. совокупности политий или держав (обществ, способных защищать свою территорию, а также своих “клиентов” военной силой), связанных союзными, нейтральными или конфликтными отношениями [Beissinger 2007].

Неконфликтная ойкумена характеризуется либо наличием единого лидера, либо альянсом великих держав, из которых ни одна не заинтересована в том, чтобы в другой происходили революции, смены режима и/или государственный распад. Очевидно, что в этой ситуации начавшаяся революционная волна вызывает тревогу, а рост волны ведет к сплоченности держав и их решимости к подавлению революций. Если “революционный пожар” сильнее совокупной мощи альянса великих держав, то начинается эпоха масштабного насилия, подчиняющаяся уже военной динамике. Таковы Тридцатилетняя война после мятежей Реформации XVI в. и начавшейся Контрреформации, революционные и наполеоновские войны после Французской революции,

Вторая мировая война после волны авторитарных (коммунистических, милитаристских, фашистских) переворотов 1920-1930-х годов.

Если же союз контрреволюционных держав или держава-гегемон достаточно сильны, то слабые протестные движения подавляются, остальные потенциальные революции купировуются (случай революций 1830 г., а также революционных событий 1968 г. в обоих лагерях холодной войны).

Успех подавления зависит не только от сплоченности и решимости коалиции, но также и от преимущества в ресурсах. Вместе с тем, данное преимущество падает при разрастании волны — увеличении числа охваченных ею обществ. Иными словами, если волна быстро охватывает критическую часть обществ со значимыми для борьбы ресурсами, то ресурсное преимущество подавляющей коалиции падает, соответственно, вместо успеха она терпит провал, что всегда угнетающе действует на сплоченность и решимость держав — членов коалиции [Розов 2016b: 83-90].

Немало революционных волн оказываются успешными: Реформация в Северной Европе, атлантические революции (Американская и Французская), боливарианские революции и войны в Южной Америке, исламские революции 1970-1980-х годов не были подавлены, хотя каждый раз попытки сделать это со стороны могущественных внешних сил имели место.

Бывает так, что в геополитической ойкумене есть два или более конфликтующих лидера, великие державы расколоты и враждуют между собой настолько сильно, что каждый лагерь заинтересован в кризисе и упадке держав из другого лагеря и, соответственно, склонен поддерживать революции в нем. Эта внешняя поддержка со стороны одного лагеря (от моральной до финансовой и военной) играет существенную роль в нарастании революционной волны в другом лагере. Так, Российской империей поддерживались балканские антитурецкие мятежи 1870-х годов, Советским Союзом — прокоммунистические и антиколониальные революции 1950-1960-х годов, Западной Европой и США — антикоммунистические революции 1989 г., сепаратистские движения в Югославии, “цветные” революции и движение Арабской весны.

Успех антиколониальных движений, революций в Китае, Корее, во Вьетнаме, на Кубе, в Анголе и Мозамбике связан с послевоенной делегитимизацией колониализма и капитализма, ослаблением метрополий Западной Европы, когда США были вынуждены обороняться (стратегия сдерживания вовне, маккартизм внутри) и только нащупывали свою новую роль в мире, допуская большие ошибки (наиболее трагическая — Вьетнамская война). В странах, самостоятельно и быстро развивавшихся (ФРГ, Япония, Великобритания, Франция, Италия), антикапиталистические, прокоммунистические движения либо трансформировались, либо вовсе угасли, несмотря на массивную поддержку со стороны Москвы.

Сами революции возникают в условиях падения легитимности не только власти и режима отдельного общества, но также охватывающей его коалиции и державы-гегемона. Поддержка этих революций со стороны конфликтующей коалиции, помимо “идеалистических” мотивов и лозунгов (свободы, справедливости, демократии, прав человека, избавления от эксплуатации и т.д.), всегда имеет “политреалистскую” подоплеку — ослабление противника. Поэтому поддержка направлена на революции в обществах, наиболее тесно связанных, зависимых в военном, экономическом и идеологическом аспектах от этого противника — державы-гегемона.

Если держава-гегемон и ее коалиция, поддерживающие старые режимы, ослаблены, потеряли решимость утверждать свое могущество, то революции в этих странах побеждают, но только там, где старые режимы в большой мере зависели от этой державы-гегемона настолько, что при снижении ее помощи правящие группы теряли контроль над страной и готовность защищать режим (таковы были, в частности, коммунистические режимы Центральной Европы в конце 1980-х годов). В то же время режимы с военной, экономической и идеологической автономией оказывались более устойчивыми, они блокировали или успешно подавляли протестные поползновения в своих обществах (Китай, КНДР и Куба с конца 1980-х годов).

Кажется, что драматический распад Югославии нарушает эту закономерность, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что он только подтверждает ее. Здесь в роли державы-гегемона выступала Сербия, тогда как в большинстве зависимых от нее обществ (республик с титульной нацией) — Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косово, Македонии — побеждали национально-освободительные (сепаратистские, если угодно) тенденции при явной и сильной поддержке со стороны Западной Европы, а позже и США.

АЗИАТСКАЯ ВОЛНА: НЕТРИВИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

“Красная волна” в Азии 1940-1960-х годов включает следующие события:

- 1) гражданская война в Китае (1945-1949 гг.), которая нарушила порядок “единого фронта” основных политических сил, существовавший в стране с 1936 г.;
- 2) партизанская война на Филиппинах (1945-1954 гг.), где коммунистические партизаны от войны с японцами плавно перешли к войне с проамериканским правительством Магсайса;
- 3) антияпонское восстание в Бирме (март 1945 г.), где из подполья вышла еще не расколовшаяся Антифашистская лига народной свободы;
- 4) Августовская революция во Вьетнаме и последующая партизанская война (1945-1975 гг.);
- 5) партизанская война коалиционного (националисты и “левые”) правительства Сукарно в Индонезии (октябрь 1945 г.), начавшаяся с вторжения англичан и голландцев;
- 6) Теланганское восстание в Индии (1947 г.), где коммунисты возглавили народное ополчение против полунезависимых княжеств, отказавшихся передать власть федеральному центру;
- 7) гражданская война в Бирме (март 1948 г. — начало 1975 г.), начавшаяся с голосования на конференции Всебирманского крестьянского союза за радикальную аграрную реформу;
- 8) антибританская война Объединенного народного фронта Малайзии (1948-1957 гг.), где коммунистических партизан поддерживали китайские переселенцы;
- 9) восстание на корейском острове Чеджудо (1948 г.), начавшееся с бойкота коммунистами выборов в южной части полуострова;
- 10) Мадунское восстание в Индонезии (сентябрь 1948 г.), спровоцированное попыткой правительства Сукарно разоружить коммунистических партизан;
- 11) совместное наступление интервентов Вьетнамской народной армии и местных партизан “Патет Лао” на профранцузскую монархию Лаоса (1953-1975 гг.), начавшееся с разгрома французами “правительства трех принцев” и реставрации монархии (1946 г.);

12) партизанская война в Таиланде (1965 – начало 1990-х годов), начавшаяся с акций маоистской Народно-освободительной армии в Корате и Пхупоне; позже на юге страны зафиксирована неудачная интервенция отрядов компартии Малайи;

13) восстание в Наксалбари и начало партизанской войны наксалитов в Индии (март 1967 г. – настоящее время), крестьянское восстание в Бенгалии, поддержанное маоистами, образовавшими затем “красный пояс” на границе с КНР;

14) партизанская война Чин Пена в Малайзии (1967-1989 гг.), начатая китайскими переселенцами уже под флагом маоизма;

15) крестьянское восстание в Камбодже против правительства “короля-премьера” Н. Сианука (1967 г.);

16) бунты хунвейбинов в Ухане и Гуйлине в КНР (июль-август 1967 г.), произошедшие после волны захватов власти “коммунами” хунвейбинов с февраля 1967 г. и ответных действий консервативно настроенного населения и подразделений НОАК;

17) восстание Новой народной армии на Филиппинах (1968 г.), состоящей из маоистов, отколовшихся от КПИ;

18) восстание в Камбодже (1970-1975 гг.), к которому призвал Сианук, свергнутый в ходе военного переворота Лон Нола; восстание завершилось победой “красных кхмеров”.

Выделение в данном ряду отдельных протестных событий вызывает трудности: в рамках этой волны может не соблюдаться классическая последовательность революционных событий: “назревание кризиса → уличные протесты → восстание → свержение или победа режима”.

30 Специфика колониальных обществ послевоенного периода состоит в том, что к началу активной фазы протеста господствующий порядок *уже* был подорван (японцы разгромили прежних колонизаторов), а субъекты протеста *уже* были сформированы (как правило, при активном содействии Коминтерна в 1920-1930-е годы). Поэтому доминирующий сценарий периода был таков: съезд (конгресс, конференция) левой партии (союза, Фронта) выносит решение о переходе в оппозицию к постколониальному правительству (или даже решение атаковать отступающих японцев), после чего протестный субъект начинает партизанскую войну с опорой на помощь местного населения. Этот сценарий можно обозначить как “отложенный конфликт” (предельно выпуклый случай – возобновление гражданской войны в Китае между Гоминьданом и КПК в 1945 г.).

Отсюда вытекает еще одна специфическая черта периода: невозможность разграничить начало протеста с массовыми акциями неповиновения властям и начало гражданской войны. Иными словами, трудно найти яркие протестные акции традиционного типа, которые можно было бы трактовать как “восстание” или как “революцию”. Чаше всего партизанская война начиналась сразу как только тайные революционные общества принимали решение о выступлении, а население подключалось к протесту уже в процессе развертывания вооруженной борьбы. Специфика эта проистекала из широкой (почти тотальной) милитаризации обществ, переживших время “массовых армий” Первой и Второй мировых войн. В результате гражданские протестные акции практически не отличались по характеру и способу организации от военных диверсионных операций регулярных спецподразделений [Вооруженная борьба... 1984].

Отнюдь не случайно совпадают протестные акции (и по времени, и по форме проведения) с глобальными геополитическими событиями того периода: завершающим этапом Второй мировой войны (1945 г.) и последующим

расколом союзников по антигитлеровской коалиции (1946 г. – Иранский кризис и “ядерный шантаж” США; 1948-й – год раскола Европы по вопросу принятия “плана Маршалла”).

Позже происходит раскол двух “красных гигантов”: в начале 1960-х годов появляется маоизм как самостоятельное революционное учение, в 1966 г. в Китае начинается “культурная революция”.

Тогда же, в 1965 г. Камбоджа разрывает отношения с США, входит в союз с Китаем, затем начинает помогать Северному Вьетнаму, в 1967 г. начинаются восстания, и с 1968 г. в Камбодже разражается гражданская война. В тот же период возобновляется партизанская война на Филиппинах.

В рассматриваемых странах работало большое число эмиссаров великих держав (подготовленных активистов, военных советников, сотрудников спецслужб), что свидетельствует о включенности кризисных и революционных явлений в геополитическую динамику и связанную с ней идеологическую борьбу.

С геополитической точки зрения крушение легитимности порядков в азиатских обществах – это, во-первых, эффект вакуума могущества в результате ослабления Европы во Второй мировой войне, а во-вторых – результат борьбы победителей за сферы влияния в мире, вовлекающих с этой целью участников местных восстаний в локальные (в том числе и гражданские) войны.

С миросистемной точки зрения главный процесс, подрывавший легитимность – это постепенная утрата Британией статуса гегемона мир-экономики, которая обозначилась уже к концу XIX в. и стала очевидна в 1920-х годах. Упадок ведущей роли британской экономики стал одной из главных причин Великой депрессии.

Относительное ослабление Британии и усиление Германии как державы-претендента – вот главные процессы, которые вызвали к жизни и Первую, и Вторую мировые войны. Результаты этих конфликтов послужили усилению политического и экономического могущества США примерно так же, как наполеоновские войны усилили в свое время саму Британию. Новый гегемон ведет себя в начале своей “карьеры”, как правило, однотипно – начинает борьбу за “свободный рынок” и против экономических барьеров: протекционизма континентальных стран Европы в первом случае, системы британских “двусторонних договоров” во втором.

Важной частью борьбы США за “свободный рынок” стала послевоенная деколонизация. При этом Америка не должна была прямо конфликтовать с Европой – своим военным союзником. Здесь как нельзя кстати пришелся “громоотвод” (или “пугало”) в лице СССР. Примерно такую же роль для Британии в XIX в. сыграла Франция в деле деколонизации иберо-американского мира.

Иными словами, миросистемный цикл накопления капитала и смены гегемона объясняет экономическую подоплеку коалиционного конфликта масштаба Тридцатилетней, Семилетней войны или двух мировых войн, а также – волн деколонизации в XIX и XX вв.

Структурные причины и связи азиатской “красной” волны 1940-1960-х годов органично включены в глобальные процессы XX в. наряду с двумя мировыми войнами и первой “красной” революционной волной 1905-1920 гг.:

- 1) падение британской гегемонии, фаза конкуренции в рамках цикла накопления капитала в мир-экономике;
- 2) падение могущества Европы и возвышение Северной Америки (в лице США) и Северной Евразии (в лице СССР) после Второй мировой войны;

3) повторение в колониях европейских процессов, вызванных “военной революцией” и тотальной милитаризацией общества;

4) вызванное Второй мировой войной падение легитимности и власти колонизаторов, местной аристократии в аграрных обществах колоний;

5) вследствие поражения Германии и Японии дискредитация авторитарного милитаризма в качестве одного из двух наиболее вероятных сценариев для освобожденных обществ “третьего эшелона” модернизации.

Делегитимация утратившей колониальное могущество Британии, вероятно, повлияла на недоверие низовых революционных масс к ее преемнице — Америке. В то же время дала свой эффект долговременная и обширная активность Коминтерна в Азии, подкрепленная после Второй мировой войны высоким геополитическим престижем СССР, соответственно, популярностью коммунистической идеологии. Эти факторы совместно определили антиколониальную направленность и идейно левый и антикапиталистический, милитаристский по стилю характер азиатской революционной волны 1940-1960-х годов.

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ УРОВЕНЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАСИЛИЯ

Реальные интересы как режима, так и протестных сил могут заключаться в стремлении отнюдь не к замирению, а к радикализации действий через стрельбу, кровь, жертвы. Интерес власти в таких случаях состоит в дискредитации протеста как общей угрозы (хаос, беспорядки, экстремизм), для подавления которого уже можно и нужно использовать жесткую военную силу для беспощадного подавления или даже уничтожения восставших. Интерес в эскалации насилия со стороны наиболее радикальных лидеров протеста, групп и лиц, стремящихся к смене власти, состоит в “сожжении мостов” — разрушении надежд на мирные переговоры и возможности компромиссов, полной дискредитации режима, мобилизации, подъеме еще более массовых протестных движений с установкой на насильственное свержение ненавистного режима [Tilly 2003].

Наряду с внутренними причинами социального, культурного, демографического характера на уровень революционного насилия влияют внешние факторы, связанные с историей и международной обстановкой, геополитикой и идеологической борьбой в мире.

Рассмотрим следующие четыре революционных волны второй половины XX в.:

— уже упомянутая *азиатская волна* (революции, гражданские и международные войны в Китае, Монголии, Вьетнаме, Корее, Лаосе, Камбодже);

— *латиноамериканская волна* (Куба, Никарагуа, Боливия, Чили);

— *африкано-португальская волна*, связанная с антиколониальной борьбой, обретением независимости после “революции гвоздик” в Португалии и последующими гражданскими войнами на территории Анголы и Мозамбика;

— *центрально-европейская волна*, охватывающая революционные события конца 1980-х и 1990-е годы в Центральной и Юго-Восточной Европе (ГДР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Югославия, Албания).

Если расположить выделенные страны в пределах некоего мысленного континуума “насилие — ненасилие” — от экстремального полюса (геноцид, где ярким примером выступает страшная судьба 1,8 млн жителей Камбоджи) к умеренному (события в восточной Европе, начавшиеся 4 июня 1989 г. в Польше, когда судьбу режима определили выборы), — то видны некоторые общие закономерности.

Первый фактор – близость войны по времени. Даже поверхностный взгляд на предложенный перечень показывает, что чем ближе ко Второй мировой войне, тем выше уровень насилия. Корейский конфликт унес жизни 4 млн корейцев, 1 млн китайцев и 52 тыс. американцев [Манн 2018: 143], события в Центральной Европе 1989 г. обошлись практически без жертв, за что получили название “бархатных” революций [Эш 2009: 125]¹. Одним из следствий крупных военных действий является наличие большого количества относительно молодых людей, имеющих опыт применения насилия и воспринимавших эту практику как вполне ординарную. Кроме этого, большинство руководителей также принимали участие в войнах, обладали уже проверенной способностью использовать организованное вооруженное насилие. Распространенные установки и умение политических лидеров и масс решать конфликты военным путем способствуют высокому насилию при кризисах. Чем дальше по времени от войны, тем таких людей остается меньше.

Второй фактор – демографическое давление. Как правило, регионы, где революционные волны связаны с большим числом жертв и репрессий – это места высокой рождаемости и большой плотности населения. В Китае накануне “культурной революции” в 1965 г. коэффициент естественного прироста населения (разница между показателями рождаемости и смертности) составлял 19,3 на 1000 чел., во Вьетнаме (1975 г.) – 23,11; в Камбодже – 17,99, в Лаосе – 25,3, на Кубе (1960 г.) – 19,2; в Никарагуа (1980 г.) – 33,82; в Анголе (1975 г.) – 29,76; в Мозамбике – 25,53; в ГДР (1989 г.) – минус 1,5; в Польше – 9,43; в Чехословакии – 0,68; в Венгрии – минус 1,35; в Румынии – 6,05. В республиках Югославской Федерации картина была такова: в Хорватии – 2,73; в Сербии – 7,83; в Боснии и Герцеговине – 11,31².

Здесь нет сильных прямых корреляций, но общая тенденция налицо: в странах с более высокой рождаемостью обычно более высокий уровень насилия. Особенно это наглядно проявляется в рамках единой волны. Уровень насилия в Никарагуа был несколько выше, чем на Кубе, в Анголе выше, чем в Мозамбике. В Центральной Европе уровень насилия в Югославии и Румынии был выше, чем в других социалистических странах.

Третий фактор – наличие жестких социальных границ – подтверждается во всех случаях. В первую очередь это расовые, социальные, религиозные, этнические и, в случае Китая, поколенческие и образовательные критерии демаркации “своих” и “чужих”. Движение хунвейбинов, созданное Мао, объявляло “спецагентами и предателями” всех старших по возрасту и более образованных руководителей и специалистов. Число пострадавших в ходе “культурной революции” – около 100 млн [Попов 2007: 129]. Повстанцы Пол Пота решительно “ликвидировали классы”, убивая всех, кто не хотел или не умел говорить по-кхмерски [Глазунов, Исаев 1984: 223].

В Анголе, когда она была португальской колонией с официальным статусом “заморской территории”, среди местного населения существовали три стратифицированные группы: “*симиладуш*, чернокожие жители городов, знающие португальский и принявшие католичество, *индиженуш* – основная масса ангольских крестьян и *контрактадуш* – наемные работники в статусе

¹ Исключения – события в Румынии и Югославии – будут специально рассмотрены ниже.

² Источник: *Мировой Атлас Данных. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги*. URL: <https://knoema.ru/atlas/topics> (accessed 07.12.2018).

полурабов. Революция и гражданская война унесли, по разным оценкам, от 300 тыс. до полумиллиона человек. Схожая ситуация с меньшими потерями, но противостоянием по расовому критерию, была в Мозамбике.

В Латинской Америке маркером противостояния было отношение к союзу с СССР или США, причем сторонники первого выбора делали акцент на развитии национальной экономики, второго — на включении в мировую систему как элемента транснациональной корпорации [Королев, Кудачкин 1986: 272].

В Центральной и Юго-Восточной Европе уровень насилия зависел от наличия и взаимной отчужденности этнических и религиозных анклавов. Заметим, что революционные события в Румынии начались с территории компактного проживания этнического меньшинства — венгров. В Югославии этническая и религиозная принадлежность, усиленная своеобразным экономическим экспериментом (“ассоциациями свободных производителей”), закрепляла групповую сегрегацию и социальное неравенство. В то же время успеху “круглого стола” и мирному характеру преобразований в Польше способствовал высокий уровень национального и религиозного единства, во многом обусловленный высоким авторитетом католической церкви.

В дистанцированных в институциональном, политическом, идеологическом аспектах от СССР Югославии или (в несколько меньшей степени) Румынии революционные процессы сопровождались высоким насилием, что связано с их особым положением между Востоком и Западом. Относительная самостоятельность этих геополитически слабых балканских государств обусловила их специфическую военную доктрину: параллельно с регулярной армией создавались территориальные вооруженные формирования как основа массового партизанского движения на случай внешнего вторжения и как противовес влиянию армии во внутренней политике.

В Румынии армия быстро перешла на сторону восставших, что привело к падению режима Чаушеску и расправе над ним³. В Югославии силы Территориальной Обороны перешли под республиканский контроль, образуя основу вооруженных сил их армий [Улунян 2013: 859-863]. В результате процесс трансформации в Югославии превратился в кровопролитные межэтнические войны, продолжавшиеся десять лет и приведшие к полному территориальному распаду. Солидарность членов коалиции снижается ввиду высокой степени насилия со стороны гегемона (Сербии), а их готовность к сопротивлению увеличивается при наличии внешней поддержки (в данном случае — от ЕС и США).

Четвертый фактор — военное вмешательство других государств — имеет двойственный характер. С одной стороны, опыт стран Латинской Америки и Африки показывает, что при получении внешней поддержки уровень насилия растет. Военная помощь одним политическим группам со стороны могущественных союзников (в рассматриваемый период — СССР или США) вызывает ответные действия и такую же помощь их политическим оппонентам, что в условиях гражданской войны приобретает формы партизанского террора и использования стратегии “выжженной земли”. С другой стороны, внешняя интервенция в отдельных случаях способна прекратить массовое внутреннее насилие. Так, ввод Вьетнамом войск на территорию Камбоджи (Кампучии), вызванный тем, что красные кхмеры начали в революционном

³ Ненависть военных к диктатору можно понять — о степени его “уважения” к армии красноречиво свидетельствует то, что по приказу Чаушеску его собаке было присвоено звание полковника.

запале уничтожать вьетнамское население, возможно, является лучшим примером гуманитарной интервенции: страшный геноцид был прекращен.

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ РЕВОЛЮЦИЙ И ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫХ РЕЖИМОВ

Общеправовая легитимность революционной смены власти тем выше, чем менее легитимны прежние власть и режим, поскольку явные правовые нарушения прежней власти оправдывают политическую борьбу с ней.

Есть интересные и убедительные доводы (как эмпирические, так и теоретические) в пользу того, что мирный характер протестов ведет к гораздо более благоприятным последствиям в плане мирной смены власти, а также к легитимации, устойчивости и демократичности постреволюционных режимов [Stephan, Chenoweth 2008].

Постреволюционные режимы по понятным причинам достаточно быстро признаются внешними державами, которые поддерживали протест, и долгое время (или вообще) не признаются государствами — союзниками свергнутого режима, которые пытались помочь ему выстоять и этот протест подавить. Так, СССР повсеместно поддерживал (а иногда и организовывал) антикапиталистические революции, помогал режимам-сателлитам (Китай, Монголия, Корея, Вьетнам, Куба, Ангола, Мозамбик, Афганистан). США и их союзники по НАТО морально и политически поддерживали “бархатные” и “цветные” революции (Польша, ГДР, Венгрия, Чехословакия, Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Украина, Армения). Соответствующие постреволюционные режимы ими были не только признаны, многие из них постепенно были интегрированы в соответствующие политические и военные структуры Запада.

Наряду с факторами из сферы *Realpolitik* свою роль играют общезначимые принципы с глубокой правовой и этической основой: ценностные (они же “идеалистические”, или “либеральные”) принципы. Насколько преобладают политреалистские либо ценностные мотивации в признании и легитимации отдельных революций и революционных волн в мировой политике второй половины XX в., показывает сравнительно-исторический анализ.

Сопровождавшееся многочисленными жертвами подавление Венгерского восстания осенью 1956 г. советскими войсками не вызвало какого-либо возражения со стороны государств “народной демократии”. Протесты политиков и общественности на Западе не приобрели форму каких-либо значимых политических или экономических действий в отношении СССР. Более того, Шарль де Голль заявил, что действия Советского Союза носили оборонительный характер. По его словам, речь шла не о распространении сферы влияния СССР на новые земли, а лишь о стремлении удержать под контролем одну из стран, которые были отнесены к советскому лагерю в итоге Второй мировой войны. Посол США в СССР по поручению госсекретаря Дж. Даллеса заверил советское руководство о невмешательстве в действия СССР в Венгрии, хотя в средствах массовой информации, в частности, по радио “Свобода”, транслировались призывы к восставшим продолжать сопротивление, обещания скорой поддержки со стороны США и их союзников.

Таким образом, в отношении к событиям, связанным с Венгерским восстанием 1956 г., со стороны западных держав был реализован подход в духе *Realpolitik*. Их позиция определялась ялтинско-потсдамскими принципами, предусматривающими раздел Европы на сферы влияния и взаимное невмешательство в события, происходившие в обществах, относящихся к “чужой”

сфере, несмотря на высокий уровень насилия при подавлении восстания, явное нарушение норм международного права⁴.

В ситуации Пражской весны 1968 г. страны Запада (США, Великобритания, Франция и др.) выражали поддержку политике реформ в Чехословакии, ввод сил Организации Варшавского договора (ОВД) в эту страну в августе 1968 г. ими сдержанно осуждался. При этом на официальном уровне никаких заявлений не делалось, какие-либо серьезные санкции в отношении СССР и его союзников не применялись. В целом отношения между Востоком и Западом после августа 1968 г. не претерпели существенных изменений [Марьина 2008: 39].

В то же время реакция некоторых социалистических стран и большинства коммунистических партий в капиталистических и развивающихся странах оказалась в этот раз более жесткой. Ввод войск в Чехословакию поддержало руководство только 26 компартий [Мурашко, Джалилов 2008]. Поддержку чехословацких реформ и решительные протесты на официальном уровне по поводу подавления Пражской весны силами ОВД выразили Югославия, Албания, Румыния, КНР.

Например, в официальных сообщениях радио Албании 21 августа 1968 г., а также в речи албанского руководителя Э. Ходжи советские действия были охарактеризованы как “фашистские”, совершенные с полного согласия их (СССР) союзников – империалистических США и “боннской Германии” [цит. по: Улунян 2013: 266-268]. В том же году Албания формально вышла из ОВД. Как видим, степень осуждения насилия и апелляции к нормам международного права (ценностный подход) тем выше, чем менее общество интегрировано в ту экономическую и/или военно-политическую систему, члены которой совершают насилие. Одновременно социалистическая Румыния, бывшая членом СЭВ и ОВД, но сохранившая в рамках блока известную самостоятельность как в экономической, так и в политической сфере, официально осудила ввод войск ОВД в Чехословакию. Особая позиция Румынии позже проявилась также в осуждении ввода советских войск в Афганистан, в участии Румынии в летних Олимпийских играх в Лос-Анджелесе, бойкотируемых другими социалистическими странами.

Подобная “ограниченная независимость” в контексте противостояния двух систем повышала престиж Румынии и ее руководителя как на мировой арене (Румыния получила режим благоприятствования в торговле с США, а также кредиты по линии МВФ и доступ к западным технологиям), так и внутри страны. После публичного осуждения вторжения в Чехословакию в 1968 г. в правящую партию Румынии массово вступили представители интеллигенции, ранее скептически к ней относившиеся [История Румынии 2005: 649]. Едва ли поддержка реформистских движений у соседа и осуждение агрессии в межгосударственных отношениях стали выражением демократических ценностей государственного деятеля, когда пишущие машинки в руководимой им стране подлежали регистрации в полиции, а врагов режима преследовали и устраняли даже за рубежом. Скорее такая политика имела прагматические цели, направленные на укрепление престижа режима как внутри страны, так и на внешней арене, и была отчасти вызвана опасением стать очередной жертвой ввода войск (т.е. собственной геополитической уязвимостью). Тем не менее формально Румынией был продемонстрирован скорее либеральный (идеалистический), нежели подход в духе *Realpolitik*.

⁴ Симпатию к восставшим убавили многочисленные документированные случаи линчевания сотрудников госбезопасности и функционеров коммунистического режима толпой восставших, т.е. факты внеправового насилия с их стороны.

В 1989 г. СССР отказался от применения силы по отношению к протестным движениям в странах социалистического лагеря, поставив принцип невмешательства во внутренние дела других государств выше своих геополитических интересов, что существенно повлияло на ход антикоммунистических революций в Центральной Европе (чтобы не сказать, стало их главным триггером).

В странах, зависимых от СССР, тесно интегрированных в СЭВ и ОВД, расставание с социализмом прошло не только в мирной форме, но иногда даже без широкомасштабных протестов: процесс политического транзита определялся на круглых столах при участии представителей властной элиты и глав оппозиции. Все стороны были настроены на поиск компромисса и не воспринимали друг друга как непримиримых противников⁵. Условием проведения круглых столов стали “верхушечные” перевороты – смещение одиозных коммунистических лидеров: Я. Кадора, Э. Хоннекера, Т. Живкова, Г. Гусака. Впервые такой круглый стол прошел в Польше, затем в Венгрии и Болгарии. Значительна была роль переговоров между властью и оппозицией в Восточной Германии и Чехословакии. При всем этом “бархатные” события все же следует считать революциями, а не переворотами, поскольку они происходили при бурной массовой поддержке декоммунизации и “возвращения в Европу”.

В заключение обобщим полученные результаты.

Революционные волны как макрополитические целостности, с одной стороны, вызываются социально-экономической дисбалансировкой в результате модернизации и миросистемных сдвигов, делигитимацией и ослаблением гегемонов в геополитических альянсах, с другой стороны, сами итоги революций в этих волнах существенно меняют геоэкономическую, геополитическую и геокультурную конфигурацию.

Большие войны приводят к милитаризации сознания масс, что при возникновении революций существенно повышает уровень насилия. Большая плотность населения и жесткие стратификационные границы также усугубляют насилие в эти периоды. Вмешательство других государств и идеологические императивы лидеров могут действовать в обоих направлениях: как на рост, так и на снижение насилия. Судя по всему, геополитическая, экономическая, социальная и культурная изоляция страны от стран первого эшелона модернизации сопутствует высокому уровню насилия в революциях.

Характер и направленность революций определяется, во-первых, геокультурной, идеологической делегитимацией проигравших в предыдущей войне, высоким престижем могущества победителей, во-вторых, ориентацией на союз с тем или иным победителем. В частности, так был определен характер революций азиатской волны 1940-1960-х годов: антиколониальный по направленности, левый идейно и милитаристский по стилю.

Признание внешними государствами революций и постреволюционных режимов легитимными всегда включает наряду с прокламируемой ценностной, “идеалистической” мотивацией также мотивы *Realpolitik* со стремлениями повысить свой престиж внутри страны и на внешней арене, укрепить свой блок, включая в него новые постреволюционные режимы, ослабляя враждебный блок через поддержку в нем революций.

⁵ Один из представителей оппозиции на круглом столе в Польше признается: “Люди, севшие с нами за стол переговоров, не только не были сталинистами, но даже и идейными коммунистами. Они оказались прагматиками, реалистами, понимавшими, что система централизованного управления развалилась и теперь нужно как можно быстрее и лучше перейти к новой” [цит. по: История антикоммунистических революций... 2007: 181].

В этом сложном сплетении разномасштабных процессов как раз и обнаруживаются условия и причины, определяющие ход и итоги революций, уровни применяемого насилия, характер признания и легитимности постреволюционных режимов.

DOI: 10.17976/jpps/2019.02.03

REVOLUTIONARY WAVES OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY: AN INTERPLAY BETWEEN GEOPOLITICS, VIOLENCE, AND LEGITIMACY

N.S. Rozov^{1,2,3}, Yu.A. Pustovoi⁴, S.I. Filippov², V.V. Tsygankov²

¹Institute for Philosophy and Law. Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State University. Novosibirsk, Russia

³Novosibirsk State Technical University. Novosibirsk, Russia

⁴Siberian Institute of Management. Novosibirsk, Russia

ROZOV, Nikolai Sergeevich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Principal Researcher, Institute for Philosophy and Law (Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Head of Department for Social Philosophy and Political Science, Novosibirsk State University (NSU); Professor, Novosibirsk State Technical University, email: nrozov@gmail.com; **PUSTOVOI, Yurii Aleksandrovich**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Department of Political Science and Technology, Siberian Institute of Management (Novosibirsk, The Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), email: pustovoi1963@gmail.com; **FILIPPOV, Sergei Ivanovich**, Cand. Sci. (Philos.), Deputy Director of the Institute for the Humanities of Novosibirsk State University (NSU), email: filippov.nsu@gmail.com; **TSYGANKOV, Vladislav Vasil'evich**, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Specialized Educational-Scientific Center of the Novosibirsk State University (NSU), email: oktava-77@yandex.ru

38 Rozov N.S., Pustovoi Yu.A., Filippov S.I., Tsygankov V.V. Revolutionary Waves of the Second Half of the 20th Century: an Interplay between Geopolitics, Violence, and Legitimacy. – Polis. Political Studies. 2019. No. 2. P. 24-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.03>

Acknowledgements. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-03-00318-OGN “Revolutionary waves in the dynamics of the 19-21 centuries modernization: macrosociological and socio-philosophical analysis.”

Received: 09.07.2018. Accepted: 17.10.2018

Abstract. Revolutionary waves that unite successive interrelated revolutions represent macro-political wholes, which, on the one hand, have their own patterns of dynamics; on the other hand, they are included in regional and world processes. The article presents the conceptual framework of the approach, the main hypotheses about the dynamics of the revolutionary waves in these aspects, as well as the reasons for the characteristics of several waves of the second half of the 20th century: in Africa and the Caribbean Gulf approx. 1960, in Southeast Asia, 1950-1960s, in Central Europe in the late 1980s. Waves are influenced by geopolitical tensions, ideological trends, but they themselves change geopolitics, geo-economics, geo-culture on the corresponding continent or even in the whole world. Individual revolutions in each wave and the waves themselves are characterized by very different levels of violence. Sometimes they are affected by civil and/or international wars; sometimes they are rather peaceful. Post-revolutionary regimes are recognized to varying degrees by opposing coalitions of powers as well as by global international organizations. This is always connected with positions in ideological struggle, with political and military support, as well as with the scale of homicide, and (non)justification of the admitted violence. Thus, geopolitics, violence and legitimacy of revolutionary waves constitute a single dynamic complex with regularities that are revealed on the historical data mentioned above.

Keywords: revolutionary waves, geopolitics, ideology, the cold war, communist revolutions, velvet revolutions, the level of violence in revolutions, the legitimacy of political regimes, post-revolutionary regimes.

References

Arrighi G., Silver B.J. 1999. *Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 348 p.

- Beck C.J. 2011. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention. — *Social Science History*. Vol. 35. No. 2. P. 167-207. <https://doi.org/10.1215/01455532-2010-020>
- Beck C.J. 2015. *Radicals, Revolutionaries, and Terrorists. (Social Movements)*. Malden, MA: Polity Press. 208 p.
- Beissinger M.R. 2007. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions. — *Perspectives on Politics*. Vol. 5. No. 2. P. 259-276. <https://doi.org/10.1017/S1537592707070776>
- Boswell T., Dixon W.J. 1990. Dependency and Rebellion: A Cross-national Analysis. — *American Sociological Review*. Vol. 55. No. 4. P. 540-559. <https://doi.org/10.2307/2095806>
- Katz M.N. 1999. *Revolutions and Revolutionary Waves*. New York: Palgrave Macmillan. 192 p.
- Stephan M.J., Chenoweth E. 2008. Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. — *International Security*. Vol. 33. No. 1. P. 7-44.
- Tilly Ch. 2003. *The Politics of Collective Violence*. Cambridge: Cambridge University Press. 290 p.
- Ash T.G. 2009. 1989!; Velvet Revolution: The Prospect. (Russ. ed.: Ash T.G. 1989 god i perspektivy "barkhatnykh revolyutsii"). — *Pro et Contra*. No. 5-6. P. 116-136.)
- Collins R. 2015. Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run. (Russ. ed.: Collins R. 2015. *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti*. Moscow: URSS; LENAND. 504 p.)
- Filippov S.I. 2017. Usloviya revolyutsionnosti elit: makroistoricheskii analiz [Conditions of the Revolutionism of Elites: A Macro-Historical Analysis]. — *Revolyutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, sotsiume: sbornik nauchnykh statei* [Revolution and Evolution: Development Models in Science, Culture, Society: a Collection of Scientific Articles. Ed. by I.T. Kasavin, A.M. Feygelman]. Nizhny Novgorod: Publishing House of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University. P. 319-321. (In Russ.)
- Glazunov E.P., Isaev M.P. 1984. *Strany Indokitaya: put' bor'by i sversheni* [Countries of Indochina: the Path of Struggle and Achievements]. Moscow: Mysl' Publishers. 171 p. (In Russ.)
- Goldstone J. 2006. Towards a Fourth Generation of Revolutionary Theory. (Russ. ed.: Goldstone J. *K teorii revolyucii chetvertogo pokoleniya*. — *Logos*. No. 5. Vol. 56. P. 58-103.)
- Goldstone J. 2015. Revolutions: A Very Short Introduction. (Russ. ed.: Goldstone J. *Revolyutsii. Ochen' kratkoe vvedenie*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. 192 p.)
- Istoriya antikomunisticheskikh revolyutsii kontsa XX veka: Tsentral'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa* [The History of the Anticommunist Revolutions of the End of the 20th Century: Central and Southeastern Europe. Ed. by Yu.S. Novopashin]. 2007. Moscow: Nauka Publishers. 402 p. (In Russ.)
- Istoria Romaniei. Compediu (Coordonatori Ioan-Aurel Pop, Ioan Bolovan). 2005. (Russ. ed.: *Istoriya Rumynii*. Moscow: Ves' mir Publishers. 680 p.)
- Korolev Yu.N., Kudachkin M.F. 1986. *Latinskaya Amerika: revolyutsii XX veka* [Latin America: the Revolution of the Twentieth Century]. Moscow: Politizdat Publishers. 350 p. (In Russ.)
- Korotayev A.V., Isayev L.M., Vasiliev A.M. 2015. Quantitative Analysis of 2013-2014 Revolutionary Wave. — *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 8. P. 119-127. (In Russ.)
- Mann M. 2018. The Sources of Social Power. Vol. 4: Globalizations, 1945-2011. (Russ. ed.: Mann M. *Istochniki sotsial'noi vlasti: v 4 tomakh. Vol. 4. Globalizatsii, 1945-2011*. Moscow: Delo RANKhiGS Publisher House. 672 p.)
- Mar'ina V.V. 2008. Prazhskaya vesna 1968 godu. K voprosu o mezhdunarodnom rezonanse (po opublikovannym v Cheshskoi Respublike dokumentam i materialam cheshskogo zhurnala "Soudobe dejiny") [The Prague Spring of 1968. On the Issue of International Resonance (Based on Documents and Materials from the Czech Magazine "Soudobe dejiny" Published in the Czech Republic)]. — *Slavyanoveden'e*. No. 3. P. 22-39. (In Russ.)
- Murashko G.P., Dzhalilov T.A. 2008. "Prazhskaya vesna" i pozitsiya zapadnoevropeiskikh kompartii ["Prague Spring" and the Position of the Western European Communist Parties]. — *Voprosy istorii*. No. 11. P. 1-23. (In Russ.)
- O prichinakh Russkoi revolyutsii* [On the Causes of the Russian Revolution. Ed. by L.E. Grinin, A.V. Korotaev, S.Yu. Malkov]. 2010. Moscow: LKI Publishers. 432 p. (In Russ.)
- Popov A.P. 2007. *Politicheskie sistemy i politicheskie rezhimy v Kitae XX veka* [Political Systems and Political Regimes in China of the 20th Century]. Moscow: Ekzamen Publishers. 286 p. (In Russ.)
- Pustovoit Yu.A. 2017. Riot, Uprising, Revolution: Organized Violence of Citizens in the Context of Modernization Processes. — *Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management Series*. No. 4. P. 71-81. (In Russ.)
- Rozov N.S. 2016a. Tipologiya, kriterii vydeleniya i osnovy dinamiki revolyutsionnykh voln v mirovoi istorii [Typology, Selection Criteria and the Basis of the Dynamics of Revolutionary Waves in World History]. — *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov. Ezhegodnik* [System Monitoring of Global and Regional Risks. Yearbook. Ed. by L.E. Grinin, A.V. Korotaev, L.M. Isaev, K.V. Meshcherina]. Volgograd: Uchitel' Publishers. P. 240-262. (In Russ.)
- Rozov N.S. 2016b. Revolutionary Waves in World History: Dynamic Patterns of Growth and Extinction. — *ECO Journal (Novosibirsk)*. No. 10. P. 78-95. (In Russ.)
- Rozov N.S. 2017. Crisis and Revolutions: Fields of Interaction, Actors' Strategies, and Trajectories of Conflict Dynamics. — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 92-108. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.07>
- Skocpol T. 2017. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. (Russ. ed.: Skocpol T. *Gosudarstva i sotsial'nye revolyutsii: sravnitel'nyi analiz Frantsii, Rossii i Kitaya*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. 552 p.)

Tsirel' S.V. 2011. Revolyutsionnye situatsii, revolyutsii i volny revolyutsij: usloviya, zakonomernosti, primery [A Revolutionary Situation, the Revolution and the Wave of Revolutions: the Conditions, Patterns, Examples]. — *Oikumén* (Kharkov, Ukraine). No. 8. P. 174-209. (In Russ.)

Tsygankov V.V. 2016. Tipy Revolyutsionnykh voln (na materiale istorii Rannego Moderna) [Types of Revolutionary Waves (on the Material of the History of the Early Modern)]. — *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov. Ezhegodnik* [System Monitoring of Global and Regional Risks. Yearbook. Ed. by L.E. Grinin, A.V. Korotaev, L.M. Isaev, K.V. Meshcherina]. Volgograd: Uchitel' Publishers. P. 263-281. (In Russ.)

Ulunyan A.A. 2013. *Balkanskii "shchit sotsializma". Oboronnaya politika Albanii, Bolgarii, Rumynii i Yugoslavii (seredina 50-kh godov — 1980 god)* [Balkan "Shield of Socialism". The Defense Policy of Albania, Bulgaria, Romania and Yugoslavia (mid-50s — 1980)]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviya Obrazovaniyu i Nauke. 912 p. (In Russ.)

Vooruzhennaya bor'ba narodov Azii za svobodu i nezavisimost'. 1945-1980 [The Armed Struggle of the Peoples of Asia for Freedom and Independence. 1945-1980]. 1984. Moscow: Nauka Publishers. 341 p. (In Russ.)

Wallerstein I. 2001. World-Systems Analysis and the Modern World Situation. (Russ. ed.: Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire*. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga. 416 p.)

Литература на русском языке

Валлерстайн И. 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга. 416 с.

Воруженная борьба народов Азии за свободу и независимость. 1945-1980. 1984. М.: Наука. 341 с.

Глазунов Е.П., Исаев М.П. 1984. *Страны Индокитая: путь борьбы и свершений*. М.: Мысль. 171 с.

Голдстоун Дж. 2006. К теории революции четвертого поколения. — *Логос*. Т. 56. № 5. С. 58-103.

Голдстоун Дж. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Издательство Института Гайдара. 192 с.

История антикоммунистических революций конца XX века: Центральная и Юго-Восточная Европа. 2007. Отв. ред. Ю.С. Новопашин. М.: Наука. 402 с.

История Румынии. 2005. М.: Весь мир. 680 с.

Коллинз Р. 2015. *Макроистория: очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС; ЛЕНАНД. 504 с.

Королев Ю.Н. Кудачкин М.Ф. 1986. *Латинская Америка: революции XX века*. М.: Политиздат. 350 с.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. 2015. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. — *Социологические исследования*. № 8. С. 119-127.

Манн М. 2018. *Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945-2011*. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС. 672 с.

Марыня В.В. 2008. Пражская весна 1968 г. К вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской Республике документам и материалам чешского журнала "Soudobe dejiny"). — *Славяноведенье*. № 3. С. 22-39.

Мурашко Г.П., Джалилов Т.А. 2008. "Пражская весна" и позиция западноевропейских компартий. — *Вопросы истории*. № 11. С. 1-23.

О причинах Русской революции. 2010. Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М.: Издательство ЛКИ. 432 с.

Попов А.П. 2007. *Политические системы и политические режимы в Китае XX века*. М.: Экзамен. 286 с.

Пустовойт Ю.А. 2017. Бунт, восстание, революция: организованное насилие горожан в контексте модернизационных процессов. — *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. № 4. С. 71-81.

Розов Н.С. 2016а. Типология, критерии выделения и основы динамики революционных волн в мировой истории. — *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник*. Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, Л.М. Исаева, К.В. Мещериной. Волгоград. С. 240-262.

Розов Н.С. 2016b. Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания. — *ЭКО*. № 10. С. 78-95.

Розов Н.С. 2017. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 92-108. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.07>

Скочпол Т. 2017. *Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая*. М.: Издательство Института Гайдара. 552 с.

Улуныан А. А. 2013. *Балканский "щит социализма". Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.)*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. 912 с.

Филиппов С.И. 2017. Условия революционности элит: макроисторический анализ. — *Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме*. Под ред. И.Т. Касавина, А.М. Фейгельмана. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. С. 319-321.

Цирель С.В. 2011. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры. — *Ойкумена*. № 8. С. 174-209.

Цыганков В.В. 2016. Типы Революционных волн (на материале истории Раннего Модерна). — *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник*. Под ред. Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, Л.М. Исаева, К.В. Мещериной. Волгоград, С. 263-281.

Эш Т.Г. 2009. 1989 год и перспективы "бархатных революций". — *Pro et Contra*. № 5-6. С. 116-136.